

Научная статья

УДК 94(470+571.52)

ЖЕНСКИЙ ВОПРОС В ТУВЕ И МОНГОЛИИ В 1920-1930-е гг.

Органа Д. Натсак

Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва, к.ф.н., учёный секретарь, Кызыл, Республика Тыва, Россия, nod695596@gmail.com

Аннотация. В статье анализируются общие политические истоки подходов к женскому вопросу, содержание, формы и методы работы с женщинами в Тувинской Народной Республике (ТНР) и Монгольской Народной Республике (МНР) в 1920-1930 гг. с учётом общего и особенного во внутривнутриполитической ситуации в двух странах. Рассмотрена роль Коминтерна во включении вопроса по работе с женщинами в политическую повестку народно-революционных партий в ТНР и МНР, а также в формировании организационной модели работы в женской среде. Автором показаны тувинско-монгольские связи на уровне отделов по работе с женщинами, созданными при Центральном комитете Тувинской народно-революционной партии (ЦК ТНРП) и Центральном комитете Монгольской народно-революционной партии (ЦК МНРП). В результате проведённого исследования обоснован вывод о том, что политическое просвещение, привлечение тувинских и монгольских женщин к образованию и культуре, санитарно-гигиеническим знаниям и современной медицине, к изменению быта стали фундаментальной основой для дальнейшей эмансипации женщин и достижения фактического гендерного равноправия. С этой точки зрения рассматриваемый период был важнейшим этапом формирования нового образа женщины и новых социальных практик в кочевых обществах Тувы и Монголии.

Ключевые слова: ТНР, МНР, Коминтерн, эмансипация женщин, женский вопрос, тувинско-монгольские связи

Для цитирования: Натсак О. Д. «Женский вопрос в Туве и Монголии в 1920-1930-е гг.»

// Азиатские исследования: история и современность». 2022. №4 (4). С.31-56.

DOI: 10.24412/2782-6139-2023-4-31-56

WOMEN'S ISSUE IN TUVA AND MONGOLIA IN THE 1920S AND 1930S.

Organa D. Natsak

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Kyzyl, the Republic of Tuva, Russia, nod695596@gmail.com.

Abstract. The author analyzes general political origins of approaches to the women's issue, content, forms and methods of working with women in the Tuvan People's Republic (TPR) and the Mongolian People's Republic (MPR) in 1920-1930, taking into account the internal political situation in two countries. The paper concludes that the Communist International played a significant role in including the women's issue in the political agenda of the People's revolutionary parties in the TPR and MPR, as well as in the formation of an organizational model of work with women. The author reveals Tuvan-Mongolian relations at the level of departments for working with women, created under the Central Committees of the Tuvan National-revolutionary Party and the Mongolian National-revolutionary Party. As a result of the conducted research, it is concluded that political enlightenment, the involvement of Tuvan and Mongolian women in education and culture, sanitary and hygienic knowledge and modern medicine, as well as transformation of everyday life have become the fundamental basis for the further emancipation of women and the achievement of de facto gender equality. From this point of view, the period under review was the most important stage in the formation of a new image of women and new social practices in the nomadic societies of Tuva and Mongolia. *Key words:* TPR, MPR, Communist International, emancipation of women, women's issue, Tuvan-Mongolian relations

For citation: Natsak, O. D. (2022) "Women's issue in Tuva and Mongolia in the 1920s and 1930s" // Asian Studies: History and Modernity, no. 4 (4), p.31-56. DOI: 10.24412/2782-6139-2023-4-31-56

Введение

В 1920-1930-е гг. Тува и Монголия претерпевали во многом схожие социокультурные трансформационные процессы, обусловленные близостью исторически сложившихся культурных, религиозных, политических и экономических особенностей развития. Эти страны объединяла общая траектория некапиталистического развития, а также переход к «левому» курсу во внутренней политике, который в Монголии начинается с VII съезда МНРП в 1928 г. (Рощин 1999, с. 218, 223), в Туве – с VIII съезда ТНРП в 1929 г. Эти события непосредственно повлияли на идеологическое содержание работы с женщинами в двух странах. Кроме того, социальный контекст, в котором разворачивалась работа с женщинами и решались вопросы культурной революции, как в Туве, так и в Монголии, был практически одинаковым: патриархальность общества, кочевой образ жизни и быта, экономическая отсталость, неграмотность не только женщин, но и большинства населения, невовлечённость женщин в экономические, производственные отношения. Системы светского образования и современной медицины выстраивались с большими трудностями, в этом вопросе обе страны получали помощь СССР. Несмотря на то, что женщины конституционно были уравнены в правах с мужчинами (в Туве в 1921 г., в Монголии – в 1924 г.), по инерции патриархальности обществ и по причине неимения соответствующих

навыков, знаний и неграмотности они не сразу смогли воспользоваться возможностями участия в общественно-политических процессах. Данные факты предопределили то, что задачи и методы работы с женщинами в Туве и Монголии также были практически одинаковыми.

Вместе с тем в двух странах были и различия политического характера, о которых нельзя не упомянуть.

Первая тувинская конституция была принята в 1921 г., монгольская несколькими годами позже – в 1924 г. Следовательно, конституционное закрепление правового и политического равноправия между мужчинами и женщинами в Туве произошло в 1921 г., в Монголии – в 1924 г.

Во Внешней Монголии после 1911 г. наблюдалась более активная политическая борьба с имперской цинской властью. В Монголии, несмотря на сотрудничество по партийной линии обеих стран, были сильны политические претензии к Туве со стороны панмонголистов – суверенитет Тувинской Народной Республики Монголия признала лишь в 1926 г. 16 августа 1926 г. было подписано Соглашение между ТНР и МНР о дружбе и сотрудничестве. До 1926 г. монгольской стороной не прекращались попытки присоединения Тувы к Монголии.

Политическое влияние Коминтерна в Монголии в 1920-е гг. было более глубоким, чем в Туве, по причине геополитического положения Монголии, соседства с Китаем.

Интеграция партийно-революционных структур Монголии в Коминтерн началась раньше, чем вступление аналогичных тувинских политических образований. Монгольская народно-революционная партия (МНРП) в качестве сочувствующей секции была принята в ряды Коминтерна еще в 1921 г., с 1924 по 1932 при ЦК МНРП находились представители Исполкома Коминтерна [Сердобов 1985, с. 6]. ТНРП сначала была принята в Международный крестьянский совет (Крестинтерн)¹ в 1926 г., лишь в 1935 г. после рассмотрения декларации ТНРП о вступлении в Коминтерн в специально созданной комиссии, в которую входили Ван Мин, М. Тореза, Б. Шмераль, было принято решение о приеме ТНРП в число секций Коминтерна в статусе сочувствующей партии [Там же, с. 209]. Монгольский союз революционной молодежи (МРСМ) был принят в Коммунистический интернационал молодежи (КИМ), который представлял молодежное крыло Коминтерна, в 1922 г. [Раднаагийн Дашдондов 1984]. Тувинский революционный союз молодежи был признан симпатизирующей к Коммунистическому интернационалу

¹ Международный крестьянский совет - международная крестьянская организация (1923-1933 гг.)

молодёжи (КИМ) организацией в 1926 г.² Это было связано также с геополитической значимостью для Коминтерна и советской внешней политики Монголии, с её территориальной близостью к Китаю.

В Туве первыми представителями Коминтерна были И. Г. Сафьянов, Буда Цивенжапов, Василий Боровиков (Моллеров 2016, с. 13). Но более активная и системная работа началась с прибытия в Туву представителя Коминтерна Амур-Санана в 1925 г. Данное обстоятельство было связано с неопределённостью международного статуса ТНР с момента провозглашения государственного суверенитета, который был признан СССР лишь в 1925 г. 22 июля 1925 г. было заключено Соглашение между СССР и ТНР об установлении дружественных отношений и обмене дипломатическими представительствами. В этой связи важные политические проекты Коминтерна были апробированы сначала в Монголии, затем с незначительным временным отрывом и некоторой политической корректировкой с учётом монгольского опыта – в Туве.

Левый курс во внутренней политике в Монголии начался раньше, чем в Туве, поражение правых в Монголии произошло в 1928 г., в Туве – в 1929 г.

Практика направления женщин на учёбу в Коммунистический университет трудящихся Востока в Монголии началась также раньше, чем в Туве. В КУТВ первая монгольская группа поступила в 1922 г., в её составе была женщина по имени Долма, первая тувинская группа была зачислена тремя годами позже – в 1925 г. (Харунов, Харунова 2022, с. 215). Женщин в первой тувинской группе не было. Первая тувинская женщина была зачислена на подготовительное отделение КУТВ в 1926 г. Несмотря на то, что численно студентов из Монголии было больше, чем из Тувы, их соотношение выровнялось к 1930 г. (Там же). Но женщины более широко были представлены в монгольских группах.

В своих воспоминаниях о поездке в Монголию в 1930 г. С. Тока указывал о своём участии в качестве гостя в работе IX Великого Хурала Монголии и о встрече с монгольской партийной активисткой Янчимаа (Нэмэндэйн Янжмаа – О. Н.), учившейся вместе с ним в КУТВ³. Янжмаа училась в КУТВ в 1927-1930 гг. На этом Великом Хурале Монголии Янжмаа выступала с речью о том, что также, как и по-прежнему, в партийно-государственных структурах Монголии мало женщин⁴. Янжмаа была вдовой одного из основателей МНРП Дамдины Сухе-Батора, которая после кончины супруга в 1923 г. вступила в МНРП,

² РГАСПИ, ф.495, оп.153, д.10, л.

³ Тока С. Чогаалдар чыындызы (Сборник произведений). V том. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1981. С.251.

⁴ Там же

в 1922 г. возглавила первую «женскую группу», в 1924 г. – отдел по образованию женщин⁵.

Организационные структуры по работе с женщинами в Монголии возникли чуть ранее, чем в Туве: в 1922 г. при ЦК МНРП была впервые создана «женская группа»⁶, в 1924 г., как выше указано, был открыт отдел по образованию женщин.

Но главная отличительная особенность заключалась в том, что в Туве как фактор влияния исторически был сформирован этнополитический кластер русского, затем советского населения в форме Русской самоуправляющейся трудовой колонии (РСТК)⁷.

Многие методы политической работы, в том числе с женщинами, Тувинская народно-революционная партия (ТНРП) заимствовала от Райбюро ВКП(б), во многом созданного из числа членов РСТК. Деятельность делегатских собраний советских женщин РСТК была направлена на непосредственные связи с тувинскими женщинами и передачу опыта.

Организация и строительство новой социальной инфраструктуры в Туве начались именно с РСТК: открытие детских садов и яслей, расширение сети школ и больниц; обязательный всеобщий посредством организации сети школ грамоты для взрослых; бесплатная медицинская помощь и школьное обучение [Аранчин 1977, с. 73]. В 1924 году в колонии работали 32 воскресных школы с 1438 учащимися, в том числе 820 мужчин и 618 женщин; 42 поселковых и 8 районных изб-читален [Там же.]. В конце 1924 г. по инициативе Райбюро РКП (б) была начата работа среди женщин колонии, в 1925 г. 40 делегатов регулярно проводили собрания, работу среди колонисток; активистки женского движения вовлекли в свою работу и тувинок [Аранчин 1977, с.82].

Таким образом, политические условия, в которых проводилась работа с женщинами в Туве и Монголии, имели много общих черт и параллелей, в то же время были отличительные особенности двух стран.

Целью данной статьи является анализ особенностей решения женского вопроса в двух сопредельных государствах, а также

⁵ Нэмэндэйн Янжмаагийн мэндэлсэний 128 жилийн ойн өдөр. URL: <https://news.mn/r/2399480/> (дата обращения: 13.11. 2022 г.).

⁶ Там же

⁷ Проходивший 23-34 июля 1921 г XII съезд русских жителей принял решение создать власть по типу Конституции РФССР, признать обязательными для себя все ее декреты и объявить русское население в Урянхае Советской колонией. I съезд Советов Танну-Тувы, состоявшийся 9-12 февраля 1922 г. решил преобразовать Крайревком в исполком РСТК. Съезд утвердил положение о РСТК, принял резолюцию о внесении на рассмотрение и утверждение Танды-Тувинского народного правительства положение о местном самоуправлении. – Аранчин Ю. Л / Великий Октябрь и проблемы новейшей истории Тувы. Кызыл, 1977. С. 72-89.

тувинско-монгольских связей в этой сфере. Изменение поведенческих установок женщин в семье и обществе, законодательное внедрение новых социальных норм, механизмы включения женщин в партийные, общественные структуры, политическая социализация – эти вопросы в сравнительном контексте представляют собой актуальное исследовательское направление в свете современных устремлений обществ к гендерному паритету во многих сферах жизни.

Источниковой базой исследования стали материалы и документы из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ)⁸, Национального архива Республики Тыва (НАРТ)⁹, опубликованные документы Коминтерна¹⁰, материалы сборника «Монголия в документах Коминтерна (1919-1934)» (Монголия в документах Коминтерна 2012), постановления, планы, инструкции, связанные с работой с женщинами [Bükü Tiva-yin emegteičüd-ün jokiyan bayiyuluqči-nar ba idebgitei gešegüd-ün anqaduγar hural-un tobči toqtaγal 1931; Naiydanova D. Emegteičüd-ün dotor-a yabuγulqu ajil-un kötölbüri ba nam-un dzorilya 1931; Ködögen-ü huriya egür-üd dūr ulayan bulung baiyūulqu-yin jigabur 1927].

Необходимо отметить то, что к моменту включения женской темы в политическую повестку народно-революционных партий двух рассматриваемых стран вопрос о гражданских и политических правах женщин не вставал – на конституционном уровне они были решены. Гораздо более актуальным было осознание и фактическое применение женщинами изменившихся общественных норм и правил. Для Тувы в первые годы с момента создания государства было характерно то, что работа с женщинами не была чётко организована как отдельное направление партийной деятельности с особыми методами и содержанием. В Монголии активизация в этом направлении началась после IV съезда партии, который состоялся в августе 1925 г.: подраздел работы с женщинами был расширен до отдела, при аймачных комитетах были открыты соответствующие подразделения. С 1926 г. отдел начал выпускать журнал «Эмэгтэйчүүдийн санал» («Женская мысль») [Монгол Ардын Хувьсгалт Намын товч түүх 1964, с. 112]. Число женщин-членов партии начало расти также с этого момента – в 1924 в рядах партии было всего лишь 24 монгольских женщин, в 1926 г. этот показатель достиг 572 человек (Там же).

В Туве вопрос о работе с женщинами впервые широко был обсуждён также на IV съезде ТНРП в 1925 г., отдел по работе с женщинами был

⁸ РГАСПИ, ф. 495; ф. 507.

⁹ НАРТ, ф-п. 1.

¹⁰ Коммунистический Интернационал в документах: решения, тезисы, воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919-1932. М.: Партийное издательство. 1933. 1007 с.

Фото 1. Обложка первого монгольского журнала для женщин «Emegteičüd-ün sanal», 1928 г., №8.¹¹

создан в 1928 г., и данное направление деятельности вышло на новый, более масштабный уровень лишь после VIII съезда партии в 1929 г. Количественная представленность тувинских женщин в партии возросла с 156 до 1133 человек за 1929-1931 г. К 1929 г. не было ни одной женщины в органах государственной власти ТНР, в 1931 г. женщины составляли 21% всех лиц, занимающих выборные должности [Сердобов 1985, с. 163-164].

Усиление работы среди женщин для ликвидации технической и политической неграмотности, вовлечения в партию, ревсомол, выдвижение их на партийные и государственные должности в двух рассматриваемых государствах были важной частью проводимой Коминтерном политики. Рассмотрим содержание этой политики, формы и методы работы.

Роль Коминтерна

Следует отметить тот факт, что по линии Коминтерна ТНР и МНР объединяло несколько факторов. Во-первых, взаимодействие народно-революционных партий двух стран координировалось Коминтерном, сотрудничество этих партий декларировалось в их программных документах. В июле 1925 г. было принято постановление Комиссии Восточного отдела Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) по вопросу о программе Танну-Тувинской народной партии, в проекте программы, который был направлен в Туву для принятия на съезде, указывалось, что «Танну-Тувинская партия должна держать самую тесную связь с Коминтерном, Крестинтерном, Монгольской революционной партией, Гоминданом»¹². Взаимодействие двух партий шло как в части обмена опытом, так и в сфере подготовки кадров¹³. На IV съезде ТНРП в 1925 г. при обсуждении партийной работы

¹¹ Номера данного журнала за 1927 (№3, 4), 1928 г. (№5, 6, 7, 8), за 1929 г. (№9, 10) хранятся в Национальной библиотеке Монголии. URL: <https://nationallibrary.mn/эмэгтэйчүүдийн-санал-хэмээх-сэтгүүл/> (дата обращения: 17.11.2022).

¹² РГАСПИ, ф.495, оп.153, д.2, л. 55.

¹³ В рамках подготовки кадров для партийной работы ТНР направляла молодых тувинцев не только в СССР, но и в МНР. В 1925-1929 гг. 35 тувинцев окончили партийную школу при ЦК МНРП в Улан-Баторе. См.: История Тувы в 2-х т. Том 2. М.: парт.изд-во. 1964. С. 174.

отмечали необходимость приглашения инструкторов, в том числе из ЦК МНРП, и сообщалось о том, что ЦК МНРП командировал в Туву Найден-Суруна и Дорчжи Полыма, помогавших ЦК ТНРП, но пробыли они недолго и уехали обратно¹⁴.

Во-вторых, уполномоченные представители ИККИ в этих двух странах взаимодействовали между собой в решении политических вопросов. Представители ИККИ, имевшие опыт работы в Монголии, приезжали работать в Туву, как, например, С. Нацов (Шойжелов Сирен Арабдынович) или принимали участие в ключевых партийно-политических мероприятиях в Туве, как И. Райтер. В марте 1925 г. в письме ИККИ в ЦК ТНРП указывалось: «Относительно командировки в Танну-Тувинскую республику нашего представителя дело обстоит таким образом, что от кандидатуры Нацова мы вынуждены отказаться, ввиду его незаменимости в Монголии, особенно сейчас, в связи с отъездом т. Рыскулова в Калган. Сейчас мы подыскивали для этой цели другого кандидата. Это член ЦИК СССР – тов. Амур-Санан, по национальности калмык, более или менее владеющий монгольским языком. Прошу Вас сообщить, не встречается ли эта кандидатура каких-нибудь возражений с Вашей стороны»¹⁵. Однако С. Нацов все же чуть позднее (1925-1926 гг.) был направлен работать в Туву после Амур-Санана.

В-третьих, и Тува, и Монголия обращались в ИККИ с просьбой направить инструкторов для организации работы с женщинами. На VI съезде ТНРП в октябре 1925 г. было решено обратиться в Коминтерн с просьбой направить от международного женского секретариата сотрудника для работы среди тувинок, желательнее бурятку или ойратку»¹⁶. Женотдел ИККИ в 1926 г. телеграфировал о направлении в Монголию т. Тарантаевой в целях организации работы с женщинами в ответ на запрос ЦК МНРП¹⁷. При встрече с И.А. Пятницким в Коминтерне 22 марта 1932 г. секретари ЦК МНРП П. Гендун и З. Шиджиян снова обращались с просьбой о предоставлении инструктора в женотдел ЦК МНРП [Монголия в документах Коминтерна 2012, 321]. Лица, направляемые в Туву и Монголию, были проводниками политики Коминтерна в двух странах, которые оказывали методическую помощь в формировании новых политических и социальных систем. Соответственно, методы работы, рекомендовавшиеся ИККИ народно-революционным партиям двух стран в основном совпадали с учетом общей специфики кочевых обществ, уровня социально-экономического развития Тувы и Монголии.

¹⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 3, л. 9.

¹⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 2, л. 1.

¹⁶ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 3, л. 83.

¹⁷ РГАСПИ, ф. 507, оп. 3, д. 116, л. 1.

Необходимо указать на то, что в проектах документов, которые разрабатывались в ИККИ, затем принимались на съездах ТНРП, содержатся идеологические аналогии, которые проводились между Тувой и Монголией. Так, в тезисах по докладу о работе среди женщин Танну-Тува, который должен был рассматриваться на IV съезде ТНРП в октябре 1925 г., излагалось следующее: «С давних времен женщина Востока – Кореи, Монголии, Танну-Тувы находятся в полнейшей кабале. Там на нее смотрят как на вещь, на принадлежность семьи, мужчины. Она не имеет никаких прав, закон отстраняет ее от общественной жизни, она темна, безграмотна, одурманена религией. Только после Октябрьской революции всколыхнулись страны Востока. И сейчас в ряде восточных стран, в частности, в Монголии при поддержке народно-революционной партии и революционного союза молодежи растет и ширится женское движение. Тувинская народно-революционная партия должна провести кампанию по развитию общественного мнения о равноправии женщин. Надо начинать с членов самой партии и революционного союза молодежи Танну-Тувы»¹⁸.

Немаловажным является то, что по вопросам партийной работы среди женщин в рамках общих докладов в ИККИ о политической ситуации в рассматриваемых странах, принимались резолюции, об исполнении которых народно-революционные партии затем отчитывались. Так, в январе 1927 г. по итогам доклада М. И. Амагаева по монгольскому вопросу была принята резолюция Дальневосточного секретариата ИККИ, в которой рекомендовалось держать в поле особого внимания вопросы культурно-просветительской работы и политического воспитания женщин, привлечения их в партию. Там же была сделана оценка о том, что количество женщин в партии в отношении общего числа партийных членов весьма ничтожно» [Монголия в документах Коминтерна 2012, с. 171-176]. По исполнению данной резолюции представители ЦК МНРП Гэлэк-Сэнгэ и Дугаржав отчитывались в ИККИ в мае 1927 г., в том числе о принятых мерах по работе с женщинами [Там же, с. 182].

В целом надо указать на то, что ИККИ проводилась скрупулезная аналитическая работа на основе информации, которую получали не только от своих уполномоченных, командированных в Туву, Монголию, но и от ЦК ТНРП и ЦК МНРП. По докладам и отчётам после анализа ИККИ направлял оценки и дальнейшие рекомендации. В этом смысле показательно письмо заместителя руководителя женского отдела ИККИ В. А. Мойровой женотделу ЦК МНРП от 10 апреля 1929 г., в котором она изложила приоритетные задачи, рекомендации по технологиям работы, дала оценки текущей ситуации работы с монгольскими женщинами на основе анализа поступавших монгольских документов. Ею были

¹⁸ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 3, л. 49.

запрошены для изучения материалы о брачном праве, тексты законов и постановлений о браке, материалы об экономической роли женщин, данные об удельном весе женщин в аппарате судебных органов и о женщинах-судьях [Там же, с. 449-450].

Эти факты свидетельствуют о закладывании системных основ работы с женщинами в кочевых обществах двух стран. Следует отметить то, что первыми руководителями женотделов при ЦК народно-революционных партий в двух странах стали выпускницы КУТВ, получившие специальную подготовку в рамках политики Коминтерна – Нэмэндэйн Янжмаа в Монголии и Таня Камова (Сат) в Туве. Об эффективности проникновения политики Коминтерна в партийно-государственные процессы рассматриваемых стран свидетельствует тот факт, что первой женщиной – главой государства становится Анчимаа Тока в Туве (1940-1944 гг.), второй женщиной считается Нэмэндэйн Янжмаа, возглавлявшая в 1953-1954 гг. Великой Хурал Монголии¹⁹. Обе – выпускницы КУТВ.

Женщины – партийные и государственные деятели Монголии и Тувы, окончившие КУТВ

Фото 2.
Нэмэндэйн Янжмаа²⁰
(1893-1962 гг.)

Фото 3.
Анчимаа Хертек²¹
(1912-2008 гг.)

Фото 4.
Таня Камова (Сат)²²
(1908-1988 гг.)

Подходы Коминтерна к работе с женщинами

И в Туве, и в Монголии не вовлечённых в политическую революционную работу женщин воспринимали как несознательную и

¹⁹ Д. Сүхбаатарын гэргий Н.Янжмаа агсны мэндэлсний 127 жилийн ой тохиож байна. URL: <http://chuhai.mn/t/46252> (дата обращения: 12.11.2022 г.).

²⁰ Фото из открытых источников.

²¹ Данная фотография Анчимы Х. А. была опубликована над материалом под её авторством «Вопросы политического воспитания женщин ТНР» в газете «Шьп», № 52 (852), 5 июля 1939 г.

²² Фото из Научного архива ТИГПИ при Правительстве Республики Тыва: Фонд фотографий, д. 1469.

легко поддающуюся влиянию классовых врагов часть населения. Такой подход, как мы полагаем, исходил из посылов Коминтерна.

Женский вопрос был отдельно поднят на III конгрессе Коминтерна (22 июня-12 июля 1921 г.), когда было объявлено о необходимости усиления работы коммунистических партий Запада и Востока среди женского пролетариата, так как борьба за диктатуру пролетариата требовала поддержки и вовлечения женщин, их фактического раскрепощения. «В завоевании власти огромную опасность для революции представляют инертные, не втянутые в движение массы работниц, домашних хозяек, служащих, крестьянок, не освобождённых из-под влияния буржуазного мировоззрения» [Коммунистический Интернационал в документах 1933, с. 243]. Не вовлечённые в коммунистическое движение женщины рассматривались как потенциальная аудитория и почва для контрреволюционной пропаганды, поэтому была поставлена задача найти особые подходы к женщинам для дальнейшего их использования в борьбе за установление диктатуры пролетариата.

На V конгрессе Коминтерна, состоявшемся в 1924 г., обсуждались подходы к работе с женщинами, которые «представляли собой массу, за влияние на которую нужно бороться с контрреволюционерами, которую нужно вырывать из-под их влияния и завербовать» [Там же, с. 450-452]. В восточных странах, как и на III конгрессе, были поставлены особые задачи, приоритетными из которых было названо освобождение женщин от бытовых и религиозных предрассудков через использование особых методов [Там же]. Необходимо было включать женщин во все боевые (общественно-политические) организации, как партия, профсоюзы, кооперативы, во все формы активной борьбы, а также создать специальные органы при партии по всей вертикали, начиная от ЦК, для работы с женщинами.

Полагаем, что эти подходы влияли на концепцию и практику работы в Туве и Монголии, а также на содержание партийных документов программного характера.

Основные цели работы с женщинами в Туве и Монголии

Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о том, что цели работы с женщинами, которые исходили из проблем, характерных для того этапа исторического развития, были практически одинаковыми и в Туве и Монголии – обучение грамоте, основам санитарно-гигиенических знаний, политическое просвещение женщин и ввод в партийно-государственные органы, общественную работу. Необходимо отметить тот факт, что в двух сопредельных государствах достижение указанных целей оказалось непростой задачей, связанной с преодолением

устоявшихся культурных и социальных стереотипов и представлений о роли женщин в семье и обществе. Культурное отставание женщин учёные советского периода объясняли существованием в дореволюционной Монголии патриархального взгляда на женщину как существо неполноценное, не заслуживающее того, чтобы его обучали, живучестью этих пережитков в 1920-ые гг. [Очерки истории культуры 1971, с. 23]. Данные переписи населения в Монголии в 1928 г. показывали, что был весьма низкий процент грамотности среди женщин. Из 349 907 женщин грамотных насчитывалось всего 928, или 0, 26 процента [Там же]. По материалам первой сельскохозяйственной и демографической переписи, проведённой в Туве в 1931 г. Научно-исследовательской ассоциацией по изучению национальных и колониальных проблем, также наблюдались низкие показатели грамотности женщин – из 31337 тувинских женщин грамотными (умели читать и писать) 836 женщин, что составило 2,6 % [Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 года..1933, с. 5]. В связи с вводом в 1930 г. тувинской национальной письменности процесс обучения женщин грамоте ускорился.

Практически одновременно и в Монголии, и в Туве стартует ликвидация безграмотности в целом, но открывались и специальные школы для обучения грамоте женщин. Так, например, по инициативе ревсомола летом 1926 г. в г. Улан-Баторе была открыта первая женская общеобразовательная школа. В 1927 г. были открыты несколько кружков по ликвидации неграмотности специально для женщин [Очерки истории культуры 1971, с. 44].

Следует отметить тот факт, что обучение женщин грамоте в Туве в отличие от данного процесса в Монголии осложнялось тем, что за период с 1921 по 1944 гг. тувинкам пришлось несколько раз переучиваться: до 1930 освоение грамотности означало не только обучение старомонгольскому письму и чтению, но и грамматическое и лексическое освоение чужого языка. С 1930 г. началось освоение национальной тувинской письменности на основе латиницы, поскольку язык был родной, обучение ускорилось. 8 июля 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ТНРП был заслушан доклад тов. Лопсана о переводе тувинской письменности с латинского алфавита на русский²³, этим же днём датировано постановление ЦК ТНРП и Совета министров ТНР об утверждении тувинского алфавита на русской основе²⁴. Подготовительный этап был достаточно длительным. Если посмотрим печатный орган ТНРП, Малого Хурала – газету «Шын», в 1943 г. шло комбинированное использование двух алфавитов – латинского и

²³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 76, л. 7.

²⁴ Там же. Л. 20.

кириллического²⁵. В Монголии переход на кириллицу был также начат в 1941 г. [Цыпилова 2015, с. 17]. Таким образом, начало массового переобучения женщин новому алфавиту в этот раз совпало по времени и в Туве, и в Монголии. Переход к кириллице был ещё одним методом советской «мягкой власти», когда и Тува, и Монголия переходили к единой советской графической системе и через неё – в общее культурное пространство.

В 1920-ые гг. наряду с обучением женщин в Туве и Монголии актуальной проблемой была организация обучения девочек в школах, охват детей детскими садами.

В качестве основных целей своей работы в Монголии т. Тарантаева, направленная международным женским сектором ИККИ, указывала следующее: «..поднятие культурного уровня широких женских масс монгольских кочевниц, разъяснение необходимости борьбы с нечистотой, болезнями, смертностью детей, привитие культурных навыков в быту монгольских женских масс, поднятие политического уровня женщин и вовлечение их в общественную работу»²⁶.

Она также докладывала в женотдел ИККИ о гласном или негласном сопротивлении среди монгольских партийцев идее о том, что женщины могут и должны войти в руководящий состав МНРП: «Здесь пришлось выдержать бой и с монголами, и с нашими. Несмотря на то, что я предварительно настроила местных товарищей насчёт необходимости ввода в ЦК²⁷ и ЦКК²⁸ определённого количества женщин, все же при обсуждении женские кандидатуры всячески отвергались под теми или иными благовидными предложениями»²⁹.

Выдвижение женщин на руководящие должности было одним из показателей результативности работы, о которых докладывали также в ИККИ из Тувы. В 1930 г. заведующая отделом по работе с женщинами при ЦК ТНРП Таня Камова (Сат) сообщала, что аратки выдвигаются на руководящие должности: три из них выбраны членами ЦК ТНРП, одна членом ЦКК, 15 выдвинуты на партийно-государственную работу в хошунах [Сердобов 1985, с. 164].

Борьба с венерическими, инфекционными заболеваниями, внедрение санитарных норм – это были одни из наиболее острых проблем, характерных как для Тувы, так и для Монголии. В особенности это касалось женщин, женского и детского здоровья. Медицинские вопросы

²⁵ Шын. 20 октября 1943. № 93 (1216).

²⁶ РГАСПИ, ф. 507, оп. 3, д. 116, л. 136.

²⁷ Центральный комитет МНРП.

²⁸ Центральный контрольный комитет МНРП.

²⁹ РГАСПИ, ф. 507, оп. 3, д. 116, л. 5.

приобретали характер политических вопросов, так как касались противостояния между сторонниками модернизационных процессов, ратовавших за полную замену традиционной тибетской медицины советской моделью европейской медицины, и традиционалистами, которые выступали против таких реформ. Большую роль в решении этих вопросов сыграли Медико-санитарные экспедиции Наркомздрава РСФСР в МНР и ТНР. Первая такая экспедиция в МНР была осуществлена в 1926 г. [Башкуев 2016, с. 43], в ТНР – с конца 1927 г. до конца 1928 г. [Башкуев 2018, с. 55]. Всего было предпринято в Туву 4 экспедиции Наркомздрава, в Монголию – 2 [Башкуев 2016; Башкуев 2018]. Экспедиции Наркомздрава РСФСР в Туву в 1927 г. предшествовала комплексная научная экспедиция АН СССР, которая состоялась в 1926 [Там же, с. 54].

В докладе о работе Медико-санитарной экспедиции Наркомздрава РСФСР в 1928-1933 г. в ТНР указывалась специфика жилищно-бытовых условий и кочевой жизни, которые создавали неблагоприятные условия для женщин: «Подчас тяжёлая работа женщин, жизнь в юрте в зимнее время с довольно низкой температурой, особенно ночью, применение варварских методов помощи при родах ламами (подвешивание женщины под мышки, выдавливание плода) крайне вредно влияло на здоровье женщины [Из доклада о работе Медико-санитарной экспедиции 2014, с. 295].

Эти экспедиции имели не только научное, практическое значение в организации систем здравоохранения, но и демографическое в части сокращения общей, материнской, младенческой, детской смертности, укрепления репродуктивного здоровья женщин. В социальном аспекте внедрение советского варианта европейской медицины привело к трансформации практик повседневности тувинских и монгольских женщин, в социально-политическом аспекте – институционализации современных систем здравоохранения в двух странах.

Политическое просвещение женщин, профессиональное обучение женщин для включения в экономику стран и ввод в партийно-государственные органы, общественную работу осуществлялись в Туве и Монголии параллельно с базовой социализацией женщин. Советская модель эмансипированной женщины во многом стала ориентиром для тувинских и монгольских женщин, этот образ использовали в газетах, журналах в просветительских и идеологических целях. Впервые на собрании тувинской знати государственного значения, которая была сугубо мужской, выступила советская женщина. Это было на I Всетувинском Уредительном Хурале, который состоялся 13-16 августа 1921 г. в местечке Суг-Бажы для решения исторической судьбы Тувы. На

столь важном политическом мероприятии, в котором принимали участие не только правящая элита Тувы, но и представители советской России, Монголии, международных организаций, как Коминтерн, с приветствием выступила Анна Михайловна Сафьянова. Она, поприветствовав съезд Танну-Тува, рассказала об освобождении русской женщины от оков векового рабства, об уравнивании её в правах с мужчиной и высказала пожелание, чтобы на следующем съезде Танну-Тува участвовали тувинские женщины³⁰.

Опыт советских женщин и новые социальные практики более эффективно перенимались в процессе обучения тувинских, монгольских женщин в СССР. В 1934 г., согласно докладу ТНРП в Коминтерн, на учебе в СССР и внутри ТАР в 1932/1933 г. находилось 307 араток, в 1933/34 – 79³¹. В 1930 г. в Улан-Удэ на средства СССР был создан Монголрабфак – учебное заведение для подготовки молодёжи МНР к поступлению в советские средние специальные и высшие учебные заведения. За 10 лет Монголрабфак окончили 400 юношей и девушек Монголии [Цыпилова 2015, с. 16]. Обучение за границей давало женщинам не только профессиональные знания и навыки, но также способствовало изменению внешнего вида женщин – манера одеваться, причёски приобретали черты советской моды.

Формы работы с женщинами

Формы и методы работы с женщинами дифференцировались в странах советского строя, капиталистических и экономически отсталых (Восток) странах. В экономически отсталых странах Востока рекомендовалось сосредоточиться на борьбе со всеми предрассудками, религиозными обычаями, бытовой закрепощённостью, добиваться равноправия женщин в воспитании детей и семейных отношениях. Рекомендовались такие формы работы, как агитация на дому, агитация «делом», пропаганда «делом», клубы работниц, у кочевых народов – передвижные клубы, поднятие через них культурного уровня женщин. Для координации этой работы был создан Международный женский секретариат ИККИ [Коммунистический Интернационал в документах 1933, с. 242-255].

В 1925 году на V расширенном пленуме ИККИ были рекомендованы «подсобные органы» или «подсобные организации», как делегатские собрания, контрольные комиссии, комитеты действия [Там же, с. 484].

³⁰ Создание суверенного государства в Центре Азии. Протоколы хуралов 1921 года. Бай-Хаак, 1991.

³¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 67, л. 71.

В Туве и Монголии применялись практически идентичные формы и методы работы с женщинами. Это, прежде всего, использование в просветительской, идеологической работе «красных юрт». Были разработаны положения и инструкции по организации деятельности «улаан гэр»³² в Монголии, в основе которых лежал содержательный каркас, созданный в структурах Коминтерна.

В своем докладе о положении Монгольской народно-революционной партии, зачитанном на коллегии Восточного секретариата ИККИ в 1929 г., М. И. Амагаев сообщал, что монгольским женотделом организовано 10 красных юрт и отправлено на места [Монголия в документах Коминтерна 2012, с. 483].

В 1929-1930 гг. в Туве было 3 юрты-передвижки, в 1930-1931 гг. – 6 юрт-передвижек и 35 красных уголков³³. В Туве была разработана и издана инструкция по созданию «красных уголков» [Ködögen-ü huriya egür-üd dür ulayan bulung baiyūulqu-yin jigabur 1927].

В качестве целей создания красных уголков указывались «распространение идеологических знаний среди народа о деятельности партии, государства, агитационная работа среди членов и кандидатов в члены партии, просветительская работа среди женщин» [Там же, с. 1]. Согласно указанной инструкции в красных уголках следовало выставить «современные книги, изданные на монгольском и бурят-монгольском языках, портреты великих вождей мировой революции, руководителей ТНРП и государства, инструменты тувинского и других народов [Там же, с. 2-5]. Требовалось, чтобы в красных уголках собирали аратов, читали им газеты, журналы, литературу, рассказывали о политике партии и государства» [Там же, с. 8].

Еще одной формой работы среди женщин стали делегатские собрания женщин. Внедрение указанной формы в Туве и Монголии шло также в рамках специально разработанных инструкций³⁴. Особенностью делегатских собраний было то, что они не были результатом самоорганизации женщин, а были специальной мерой политики народно-революционных партий, которая была рекомендована Коминтерном. Делегатские собрания были в 1920-е гг. апробированы в советской России, по содержанию представляли собой курс политического просвещения и «ликбеза» женской аудитории, которой предлагались идеологические ориентиры и образы страны и мира, и тем самым формировалось политическое сознание женщин. После такой подготовки предстояла практика на базе действующих предприятий и организаций.

³² РГАСПИ, ф. 507, оп. 3, д. 116, л. 136-138.

³³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 50, л. 2.

³⁴ РГАСПИ, ф. 507., оп. 3, д. 116, л. 125-129.

В письме заместителя руководителя женского отдела ИККИ В.А. Мойровой женотделу ЦК МНРП от 10 апреля 1929 г. отмечалась важность возобновления в Монголии делегатских собраний. Отмечалось, что это должна быть шестимесячная систематическая работа, при условии двух собраний в месяц (в кочевой период) она должна была обеспечить прохождение определённой программы [Монголия в документах Коминтерна 2012, с. 448]. Были сделаны технические рекомендации о том, что каждое десятидворье должно иметь не менее одного представителя (не менее одной делегатки) [Там же].

С учётом специфики кочевого общества и уровня развития экономики в то время данная форма с трудом приживалась. В Туве от делегатских собраний отказались в 1934 г., сосредоточившись на привлечении активных араток на совещания, конференции, на которых разъясняли решения партии и правительства³⁵.

Фото 5. Рисунок из тувинской газеты «Ареве ыһы»

«Женщины на собрании определяют задачи своей работы», 1938 г.³⁶

Одним из ключевых событий в разворачивании работы с женщинами в рассматриваемых странах стало проведение всемонгольских совещаний работников среди женщин³⁷ и всетувинских собраний женщин-активисток [Bükü Tiva-yin emegteiyüdü-ün jokiyan bayiüluqçı-nar ba idebgitei geşegüd-ün angqaduıar hural-un tobçı toqtayal 1930], которые определяли цели и задачи, стратегию и тактику работы в женской среде. Эти собрания структурно и содержательно готовились при поддержке

³⁵ РГАСПИ, ф. 495, оп. 153, д. 67, л. 101.

³⁶ Газета «Ареве ыһы». №35 (290). 30 июня 1938 г. (на тув. яз.).

³⁷ РГАСПИ, ф. 507, оп. 3, д. 117, л. 70-76.

женского отдела ИККИ. Однако эта помощь женского отдела ИККИ не могла быть во всем понятной и конкретной. В отличие от Монголии в Туве при внедрении этой технологии работы непосредственный организационный опыт женских собраний получали от советских гражданок из РСТК. Например, опыт передавался через такую форму взаимодействия, как совместные русско-тувинские собрания. Первая русско-тувинская женская конференция состоялась 8 марта 1929 года, в которой приняли участие 30 тувинок и 90 русских делегатов, а также 250 недеlegates. [Аранчин 1977, С. 86].

Если рассмотрим содержание доклада министерства юстиции МНР на втором Всемонгольском указанном совещании, то приоритетами в работе с женщинами были обозначены задачи ознакомления монгольских женщин с вновь принятым кодексом законов о браке, семье и опеке, ознакомления женщин с сутью антирелигиозной и классовой борьбы³⁸. В это же время в Туве (1930 г.) был принят кодекс законов о семье, опеке, который во многом был заимствован из советского опыта, и требовал серьезной разъяснительной работы, прежде всего, среди женщин.

В докладе Цэцэрлигского женсовета в Монголии предлагалось вести антирелигиозную борьбу среди женщин «путём организации кружков безбожников, так как женщины первыми поддаются в руки богачей и лам»³⁹. В решениях второго всемонгольского совещания работников среди женщин (1930 г.), к примеру, в рамках антирелигиозной борьбы ставились задачи по распространению среди женских масс естественнонаучных знаний путём проведения бесед, организации кружков естественных и научных знаний, проведения среди матерей разъяснительной работы о нецелесообразности направления детей в монастыри для получения религиозного образования, убеждая их в необходимости оставления детей у себя дома, обучения их современным знаниям⁴⁰.

В резолюции VIII съезда МНРП по докладу отдела ЦК партии по работе среди женщин 21 мая 1930 г. указывалось: «Широкие слои араток в силу своей отсталости представляют более подверженную влиянию враждебных сил, особенно духовенства, массу. Поэтому высвобождение массы араток из-под влияния этих враждебных сил и приобщение их к социалистическому делу, стоит перед партией со всей своей остротой. Нужно внедрять в сознание широких масс араток необходимость решительной борьбы с феодалами и ламством и другими враждебными силами в стране. Особенно важна работа по разъяснению среди женских масс классовой роли церкви и её вредности, проведению пропаганды

³⁸ РГАСПИ, ф. 507, оп. 3, д. 117, л. 10.

³⁹ Там же. Л. 21-22.

⁴⁰ Там же. Л. 70-76.

естественных знаний путем организации женщин в соответствующие кружки и вовлечения женщин в общее антицерковное движение⁴¹.

Аналогичные темы и вопросы мы находим в материалах всетувинского собрания женщин, состоявшемся в 1930 г., на котором особый акцент был сделан на необходимости проведения антирелигиозной пропаганды среди тувинских женщин и привлечения их к борьбе с ламами и феодалами [Bükü Tiva-yin emegteiyüüd-ün jokiyan bayiyuluqçi-nar ba idebgitei geşegüüd-ün angqaduñar hural-un tobçi toqtayal 1930, с. 10]. Религия, ламы были представлены как основной источник угнетения и причина отсталости тувинских женщин в разделе «Женщинам о борьбе с религией» методической книги Д. Найдановой «План работы среди женщин и задачи партии», изданной в Кызыле в 1931 г. [Naiydanova 1931, с. 28].

Эти установки в содержательной работе с женщинами в двух странах были следствием «левого поворота» во внутренней политике, в рамках которого в Монголии на VII съезде МНРП в 1928 г. в качестве одной из основополагающих задач была указана борьба с религией, ламством. Данный вопрос получил дальнейшее развитие на VIII съезде МНРП в 1930 г. В Туве классовая оценка ламству и призывы к антирелигиозной борьбе, в первую очередь, среди членов партии, ревсомола и аратства в целом были сделаны на VIII съезде ТНРП в 1929 г. Исходя из этого можно сделать вывод о том, что женщины выступали как объект, на который была направлена пропаганда политических решений партий.

Тувинско-монгольские связи в женском вопросе

В 1929-1930-ые гг. женский отдел при ЦК ТНРП устанавливает международные связи с соответствующими отделами ИККИ, МНРП, о чём свидетельствуют архивные материалы⁴². Рассмотрим одно из писем, направленных женотделом ЦК ТНРП в соответствующий отдел при ЦК МНРП от 25 октября 1929 г. Тувинская сторона просила монгольский женотдел направлять им все документы, планы, постановления, книги, изданные в Монголии по работе с женщинами. Тувинский опыт работы также интересовал монголов. В письме тувинская сторона благодарила за выпуск постановления о взаимодействии женотделов Тувы и Монголии, и в ответ на запрос монгольской стороны кратко изложила информацию о прошлом и современном положении тувинских женщин. Приведём сокращённый перевод с монгольского на русский язык данного письма: *«От отдела по работе с женщинами ЦК ТНРП этим письмом передаём горячий революционный привет женотделу ЦК МНРП. Получили в*

⁴¹ РГАСПИ, ф. 507, оп. 3, д. 116, л. 18.

⁴² НА РТ, ф.-п.1, оп.1, д. 660.

целости письмо женотдела ЦК МНРП и специально выпущенное постановление о развитии взаимоотношений между женотделами Монголии и Тувы, мы выражаем полное согласие и подтверждение намерениям. Желаем дальнейшего воплощения в жизнь и ещё раз передаем пламенный привет женотделу МНРП.

Мы очень рады тому, что в письме, полученном от вас, указано о том, что для развития связей и взаимоотношений между монгольскими и тувинскими жёнами принято специальное постановление. Кроме того, в письме вы обратились с просьбой ознакомить вас с современным положением и развитием тувинских жёнов. Если кратко излагать, то девять лет назад тувинские жёны и в целом народ находились под гнётом жестоких внешних и внутренних эксплуататоров. Особенно тувинские жёны, которые составляли половину тувинского народа, находились под многократным угнетением, не имели доступа к государственным делам, образованию, культуре, под влиянием религиозных учений не получали образования, и пребывали в отсталости и темноте. Вследствие этого прежнее положение тувинских жёнов ничем не отличалось от положения монгольских жёнов. После Великой Октябрьской революции, которая произошла в 1917 году в России, тувинский народ поднялся, внутри Тувы вспыхнула революция⁴³, и в 1921 году была создана независимая суверенная Танну-Тувинская республика. Тувинский народ освободился от прошлого гнёта. Жёны получили равные с мужчинами права, возможность наряду с мужчинами участвовать в государственных делах. Благодаря этому жёны вострепились, шаг за шагом начали осваивать грамоту. Однако после получения прав тувинские жёны в течение нескольких лет мало участвовали в государственных делах и не могли в полной мере использовать свои права. Только после VII съезда ТНРП в 1928 г. при ЦК был создан отдел по делам жёнов. Вышло отдельное постановление по этому вопросу, была упорядочена работа с жёнами. Раньше на местах не было подразделений отдела по работе с жёнами, и из партии, и из ревсомола шло дублирование работы. В настоящее время освоившие грамоту жёны начали принимать участие в выборах, желающих обучаться из разных частей Тувы стало также много, как и среди мужчин. За это время возросло число жёнов, вступивших в партию, также в ряды революционного союза молодежи. Кроме того, отдел по работе с жёнами начал выпускать книги, пособия для обучения. Более чёткой стала работа с жёнами.

⁴³ В данном случае нужно учитывать то, что в период ТНР и затем в советский этап развития в исторической и идеологической литературе было принято считать, что в Туве в 1921 г. произошла революция. Однако революции в полном смысле этого термина в Туве в указанный период не было.

Со своей стороны, мы хотели бы получить от отдела по работе с женщинами при ЦК МНРП информацию о всей работе, проводимой среди монгольских женщин, планах работы, постановлениях по этому вопросу, а также выпускаемые книги. Девятый год, 25 октября»⁴⁴.

Между партийными структурами Тувы и Монголии, работавшими с женским населением, существовал не только информационный обмен, но и очные контакты по обмену опытом. Тувинская женская делегация принимала участие в работе первого всемонгольского собрания женщин 4 июля 1930 г. [Сердобов 1985, с. 165].

На первом всетувинском собрании женщин и активисток указывалось на необходимость изучения опыта работы с женщинами у соседнего монгольского государства, «так как монголы вели такой же кочевой образ жизни, как и тувинцы» [Bükü Tiva- yin emegteichüd - ün jokiyan baigulugchi nar ba idebkitei kişigüd-un anğradugar hural-un tobchi togtagal 1930, с. 12-13].

Монгольская делегация женщин участвовала на втором Всетувинском собрании женщин в 1938 г. в Кызыле [Сердобов 1985, с. 165].

Заключение

На основе исследования работы с женщинами в Туве и Монголии в 1920-1930-е гг. приходим к выводу о том, что рассматриваемый период был важнейшим этапом модернизации и социальной трансформации патриархальных кочевых обществ. Именно в это время был заложен политический, социокультурный фундамент для последующей эмансипации тувинских и монгольских женщин, их образования и культурного развития.

Работа с женщинами в Туве и Монголии разворачивалась в схожих социокультурных условиях, но имелись некоторые политические нюансы, которые отличали эти страны: конституционное равноправие тувинские женщины получили раньше, чем женщины в Монголии. Политическое влияние Коминтерна в Монголии в 1920-е гг., проникновение представителей в разные структуры было более глубоким, чем в Туве, по причине геополитического положения Монголии, в этой связи многие процессы по времени шли с незначительным опережением. Это касалось и интеграции народно-революционной партии и ревсомола в структуру Коминтерна и его молодёжное крыло. В Туве важным фактором было наличие в Туве этнополиического кластера – советской трудовой колонии, с которой шло непосредственное взаимодействие по линии РКП (б) – ТНРП, в том числе по женскому вопросу.

⁴⁴ НА РТ, ф.-п.1, оп.1, д. 660, л. 1-3.

Политическое кураторство Коминтерна, и в какой-то степени даже форсирование вопросов политической социализации женщин, переданные для внедрения формы и методы работы сыграли также важную роль в работе с женщинами, и позволили за достаточно короткий срок изменить социальную среду в этих обществах. Технологии работы, которые рекомендовались ТНРП и МНРП, были практически одинаковыми, так как вырабатывались для экономически отсталых стран Востока, а также с учётом кочевой специфики и политического положения в дух странах.

Практически одновременно в обоих государствах приняты были важнейшие законы о браке, семье и опеке, которые изменили важнейшую сферу жизни женщин – семейно-брачную. На репродуктивное здоровье женщин и демографическую ситуацию в Туве и Монголии повлияли экспедиции Наркомздрава РСФСР, главным итогом которых стала институционализация современных систем здравоохранения в двух странах.

Особенности идеологической работы среди женщин были детерминированы левым курсом, начавшимся в конце 1920-х гг. в двух сопредельных государствах.

Государственные деятели, возглавлявшие работу с женщинами в Туве и Монголии, прошли подготовку и получили образование в КУТВ. Более того, интенсивность социально-политических трансформаций в обеих странах была настолько высокой, что именно в Туве (в 1940 г.) и Монголии (в 1953 г.) были созданы первые политические прецеденты, когда женщины заняли высшие государственные должности.

С учётом общего исторического прошлого, близости в культурном и хозяйственном укладе структуры, работавшие с женщинами, обменивались опытом и информацией, что также способствовало развитию в этой сфере.

Литература:

1. Аранчин Ю. Л. РСТК и ТНР / Великий Октябрь и проблемы новейшей истории Тувы. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1977. С. 72 – 89.
2. Башкуев 2016 – Башкуев В. Ю. Роль медицины в советско-монгольских отношениях в 1920-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. №408. С. 42 – 48.
3. Башкуев 2018 – Башкуев В. Ю. Медико-санитарные экспедиции Наркомздрава РСФСР в Тувинскую Народную Республику и становление тувинского здравоохранения (конец 1920-х – середина 1930-х гг.) // Вестник Томского государственного университета. 2018. №426. С. 52 – 63.

4. Из Доклада о работе Медико-санитарной экспедиции Наркомздрава РСФСР 2014 –Из Доклада о работе Медико-санитарной экспедиции Наркомздрава РСФСР за 6 лет ее пребывания в Тувинской Народной Республике 1928-1933 / На перекрестке времени. Урянхайский край, Тувинская Народная Республика, Тувинская Автономная область, Тувинская Автономная Советская Социалистическая Республика. Сборник архивных документов и фотодокументов [сост.: А. М. Дугар-Сюрюн (гл. ред.) и др.]; Государственный архив Республики Тыва. Новосибирск: Сибирское книжное издательство. 2014. 479 с.
5. Коммунистический Интернационал в документах 1933 – Коммунистический Интернационал в документах: решения, тезисы, воззвания конгрессов Коминтерна и пленумов ИККИ. 1919-1932. М.: Партийное издательство. 1933. 1007 с.
6. Моллеров 1916 – Моллеров Н. М. Советские дипломаты и представители Коминтерна в Тувинской Народной Республике // Новые исследования Тувы. 2016. №3. С. 5 – 18.
7. Монголия в документах Коминтерна 1912 – Монголия в документах Коминтерна (1919-1934). Часть I (1919-1929). У-У: БНЦ СО РАН, 2012. 527 с. Часть II (1930-1934). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН. 491 с.
8. История Тувы 1964 – История Тувы в 2-х т. Том 2. М.: Наука. 1964. 455 с.
9. Очерки истории культуры МНР / [Ред. коллегия: ... Д. Д. Лубсанов (отв. ред.) и др.] АН СССР. Отд. этнографии и искусствоведения. Улан-Удэ: Буряткнигоиздат, 1971. 509 с.
10. Раднаагийн Дашдондов. Деятельность Ленинского комсомола и Монгольского ревсомола по осуществлению политики интернационального сотрудничества КПСС и МНРП (1971-1981 гг.). Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Москва. 1984. 176 с.
11. Рощин 1999 – Рощин С. К. Политическая история Монголии (1921-1940 гг.). М.: ИВ РАН. 1999. 327 с.
12. Сердобов 1985 – Сердобов Н. А. Коминтерн и революционная Тува. Кызыл: Тувинское книжное издательство. 1985. 238 с.
13. Тувинская сельскохозяйственная и демографическая перепись 1931 г. М.: Научно-исследовательская ассоциация по изучению нац. и колониальных проблем. 1933. 168 с.
14. Цыпилова 2015 – Цыпилова С. С. Женский вопрос в государственной политике Монголии (1924-2000-ые гг.). Улан-Удэ: ФГБОУ «Бурятская государственная сельскохозяйственная академия им. В. Р. Филиппова». 181 с.
15. Монгол Ардын Хувьсгалт Намын товч түүх 1964 – Монгол Ардын Хувьсгалт Намын товч түүх. I –V бүлэг. Улаанбаатар: МАХН-ын төв хорооны дэргэдэх намын түүхийн институт. 1964.
16. Харунов Р.Ш., Харунова М.М.-Б. Монголо-тувинский сектор Коммунистического университета трудящихся Востока (1920–1930-е гг.) // Новые исследования Тувы. 2022, № 2. С. 211-223. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.15>
17. Bükü tiva-yin emegteyčüd-ün jokiyan bayiyluqči-nar ba idebgitei gešegüd-ün anqaduγar hural-un tobči toqtayal 1931 – Bükü tiva-yin emegteyčüd-ün jokiyan bayiyluqči-

nar ba idebgitei gešegüd-ün anqaduγar hural-un tobči toqtaγal. (Ha монгольском языке). (Постановление первого всетувинского организационного собрания женщин-активисток). Кызыл. 1931 г. 26 с.

18. Naiydanova 1931 – Naiydanova D. Emegteγčüd-ün dotor-a yabuγulhu ajil-un kötölbüri ba nam-un dzorilxa. (Ha монгольском языке). (План работы среди женщин и задачи партии). Кызыл. 1931). 64 с.

19. Ködögen-ü huriya egür-üd dür ulagan bulung baiγulqu-yin dzigabur 1927 – Ködögen-ü huriya egür-üd dür ulagan bulung baiγulqu-yin dzigabur. (Ha монгольском языке). (Инструкция о создании красных уголков при сельских ячейках партии). Кызыл. 1927. 13 с.

References:

1. Aranchyn, Ju. L. (1977) "RSTK i TNR" [Russian Self-governing Labor Colony and Tuvan People's Republic], Velikij Oktjabr' i problemy novejshej istorii Tuvy, Kyzyl: Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, p. 72– 89. (In Russ.).
2. Bashkuev, V. Ju. (2016) "Rol' mediciny v sovetsko-mongol'skih otnoshenijah v 1920-e gg" [The Role of Medicine in Soviet-Mongolian Relations in the 1920s.], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 408, p. 42-48. (In Russ.).
3. Bashkuev, V. Ju. (2018) "Mediko-sanitarnye jekspedicii Narkomzdrava RSFSR v Tuvinskuju Narodnuju Respubliku i stanovlenie tuvinskogo zdravooohranenija (konec 1920-h – seredina 1930-h gg.)" [Medical and Sanitary Expeditions of the People's Commissariat of Health of the RSFSR to the Tuvan People's Republic and the Formation of Tuvan Healthcare (late 1920s - mid 1930s)], Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, no. 426, p. 52-63. (In Russ.).
4. "Iz Doklada o rabote Mediko-sanitarnoj jekspedicii Narkomzdrava RSFSR za 6 let ee prebyvanija v Tuvinskoj Narodnoj Respublike 1928-1933 (2014)" [From the Report of the Medical and Sanitary Expedition of the People's Commissariat of the RSFSR for 6 Years of its Work in the Tuvan People's Republic 1928-1933], Na perekrestke vremeni. Urjanhajskij kraj, Tuvinskaja Narodnaja Respublika, Tuvinskaja Avtonomnaja oblast', Tuvinskaja Avtonomnaja Sovetskaja Socialističeskaja Respublika. Sbornik arhivnyh dokumentov i fotodokumentov [sost.: A. M. Dugar-Sjurjun (gl. red.) i dr.], Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tuva, Novosibirsk, Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 479 p. (In Russ.).
5. "Kommunističeskij Internacional v dokumentah: reshenija, tezis, vozzvanija kongressov Kominterna i plenumov IKKI. 1919-1932 (1933)" [The Communist International in Documents: Decisions, Theses, Appeals of the Congresses of the Comintern and the Plenums of the Executive committee of Communist International], Moscow, Partijnoe izdatel'stvo, 1007 p.
6. Mollerov, N. M. (2016) "Sovetskie diplomaty i predstaviteli Kominterna v Tuvinskoj Narodnoj Respublike" [Soviet Diplomats and Representatives of the Comintern in the Tuvan People's Republic], Novye issledovanija Tuvy, no. 3, p. 5-18. (In Russ.).
7. "Mongolija v dokumentah Kominterna (1919-1934) (2012)" [Mongolia in the Documents of the Comintern (1919-1934)], part I (1919-1929), Ulan-Ude, BSC SB RAS,

527 p, part II (1930-1934), Ulan-Ude, BSC SB RAS. 491 p. (In Russ.).

8. "Istorija Tuvy v 2-h t." (1964) [The History of Tuva in 2 vol.], vol. 2, Moscow, Nauka, 455 p. (In Russ.).

9. "Ocherki istorii kul'tury MNR" (1971) [Essays on the History of Culture of the MPR], ed. by D. D. Lubsanov (and others), AS the USSR, otd. jetnografii i iskusstvovedenija, Ulan-Ude, Burjatkigoizdat, 509 p. (In Russ.).

10. "Tuvinskaja sel'skohozjajstvennaja i demograficheskaja perepis' 1931 g." (1933) [Tuvan Agricultural and Demographic Census of 1931], Moscow, Nauchno-issledovatel'skaja asociacija po izucheniju nac. i kolonial'nyh problem, 168 p. (In Russ.).

11. Radnaagijn, Dashdondov (1984) "Dejatel'nost' Leninskogo komsomola i Mongol'skogo revsomola po osushhestvleniju politiki internacional'nogo sotrudnichestva KPSS i MNRP (1971-1981 gg.)" [The Activities of the Lenin Komsomol and the Mongolian Revolutionary Komsomol on the Implementation of the International Cooperation Policy of the CPSU and the MPRP (1971-1981)], Dissertacija na soiskanie uchjonoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk, Moscow, 176 p. (In Russ.).

12. Roshhin, S. K. (1999) "Politicheskaja istorija Mongolii (1921-1940 gg.)" [Political History of Mongolia (1921-1940).], Moscow, Institute of Oriental Studies of the RAS, 327 p. (In Russ.).

13. Serdobov, N. A. (1985) "Komintern i revoljucionnaja Tuva" [Comintern and Revolutionary Tuva], Kyzyl, Tuvinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 238 p. (In Russ.).

14. "Mongol Ardyn Huv'sgalt Namyn товч түүх" (1964) [A Brief History of the Mongolian People's Revolutionary Party], I-V parts, Ulaanbaatar, Institute of Party History under the Central Committee of the MPRP. (In Mong.).

15. Cypilova, S. S. (2015) "Zhenskij vopros v gosudarstvennoj politike Mongolii (1924-2000-ye gg.)" [Women's Issue in the State Policy of Mongolia (1924-2000)], Ulan-Ude, Buryat State Agricultural Academy named after V. R. Filippov, 181 p. (In Russ.).

16. Harunov, R. Sh., Harunova, M. M.-B. "Mongolo-tuvinskij sektor Kommunisticheskogo universiteta trudjashhihsja Vostoka (1920-1930-e gg.)" [Mongolian-Tuvan sector at the Communist University of the Toilers of the East, 1920s-1930s], New Research of Tuva, 2022, no. 2, pp. 211-223. DOI: <https://www.doi.org/10.25178/nit.2022.2.15>. (In Russ.).

17. "Bükü Tiva-yin emegteičüd-ün jokiyar bayiyuluqči-nar ba idebgitei gešegüd-ün anqaduγar hural-un tobči toqtayal" (1931) [Resolution of the First All-Tuvan Organizational Meeting of Women Activists], Kyzyl, 26 p. (In Mong.).

18. Naiydanova, D. (1931) "Emegteičüd-ün dotor-a yabuγulhu ajil-un kötölbüri ba nam-un dzorilya" [The Program of Working among Women and the Tasks of the Party], Kyzyl, 64 p. (In Mong.).

19. "Ködögen-ü huriya egür-üd dür ulagan bulung baiyγulqu-yin jigabur" (1927) [Instructions on Creating Red Corners at Rural Party Cells], Kyzyl, 13 p. (In Mong.).

Информация об авторе:

Органа Д. Натсак, кандидат философских наук, учёный секретарь, Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований при

Правительстве Республики Тыва, Кызыл, Россия; Россия, Республика Тыва, 667000, ул. Кочетова, д. 4.

nod695596@gmail.com

Author ID РИНЦ: 1079250.

Information about the author:

Organa D. Natsak, Cand. of Sci. (Philosophy), Academic Secretary, Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Social and Economic Research under the Government of the Republic of Tuva, Kyzyl, Russia; 4 Kochetov str., Kyzyl, 667000, the Republic of Tuva, Russia.

E-mail: nod695596@gmail.com

ORCID ID: 0000-0003-1833-4810.

© Намсак О. Д., 2022
